

страны, создали дисбаланс предложения и спроса. Евгений Владимирович мог ездить в Ленинград каждую неделю, что позволило создать ему замечательную библиотеку. Он жил в доме железнодорожников напротив станции метро «Красносельская» в шестикомнатной квартире. В двух довольно просторных комнатах располагалась библиотека, оборудованная хорошими шкафами и полками, каждая из которых запиралась. Мы с Евгением Владимировичем познакомились в одном из букинистических магазинов. Почему он мне приглянулся, думаю, понятно. А вот почему я ему приглянулся, не знаю. Он попросил достать, если конечно попадутся в поле моего зрения, определённые книги, а переданный им тогда список этих книг я до сих пор храню. Спустя некоторое время после нашего знакомства и, наверное, каких-то обменных операций, я был приглашён к нему домой. Интеллигент в высшем значении этого слова, он принимал у себя (конечно, не только меня) настолько доброжелательно, делился своими знаниями так мило, что мне никогда не хотелось уходить, так было приятно и интересно. Я жил тогда на улице Кирова (ныне Мясницкой) около метро «Чистые пруды», ехать к нему мне было очень удобно. Всё же пока я не начал собирать антикварные книги, я бывал у него довольно редко. Зато потом я бывал у него, как только мне удавалось совершить какую-нибудь покупку книг, о которых я знал очень мало или вообще ничего не знал.

Евгений Владимирович был страстным любителем книг, и ему было интересно видеть книги, которые покупал я и, очевидно, приятно делиться своими

знаниями. Он давно умер, я ни в чьих-либо воспоминаниях о нём не читал, считаю своим исключительно приятным долгом вспомнить о нём.

Когда же я написал, что ему было интересно видеть книги, которые я покупал, то, понятно, это относится не к антикварным книгам в понятии середины двадцатого века. К антикварным книгам тогда относились книги первой половины девятнадцатого века (в отдельных случаях до 1860 г.) и другие книги, изданные до этого периода. Каждая антикварная книга имеет свои особенности — прежде всего, это сохранность страниц, характер и сохранность переплёта, наличие и сохранность иллюстраций, применительно к гравюрам и литографиям качество оттисков, владельческие приметы, экслибрисы и суперэклибрисы, пометки и дарственные надписи и т. п. Собственно, эти различия и составляют интерес их коллекционирования. Ведь если бы они все были одинаковы, как, скажем, книги, издаваемые в последние десятилетия, то любительские коллекции различались бы только количеством собранных книг, что не давало бы повода для расширения познаний собирателей.

О некоторых книгах XVIII века

Книгам, изданным в России в XVIII веке, принадлежит особая роль в истории современной культуры страны. Если признать, что XVIII век имеет в истории России особую значимость, ведь именно в его годы получили своё начало многие науки, искусства,

новая азбука (кириллица), появились не только переводчики с иностранных языков, но и отечественные авторы (поэты и прозаики), то следует отметить, что первопроходцами всего перечисленного были книги. Понимал это как никто другой, конечно, наш главный реформатор — гениальный Пётр Первый, который и положил начало типографскому делу, также как и всему образовательному процессу.

Русские книги XVIII века сразу после его окончания стали предметом разысканий и изучения последующими поколениями. Ведь не будь их, что бы мы знали о Ломоносове, Радищеве, Фонвизине, Сумарокове, Тредиаковском и о многих других учёных и писателях, заложивших своими трудами базу последующего блестящего развития русской культуры во всех её ипостасях. Между тем, судьбы книг XVIII века были весьма и весьма непохожими друг на друга. От книг Радищева, сохранившихся в нескольких экземплярах каждая, до книг, издаваемых в избыточных для того времени тиражах и распродававшихся более ста лет после их выхода в свет. Если учесть, что библиографические изыскания о степени редкости тех или иных книг XVIII века появились уже к середине XIX века (Г. Геннади, С. Полторацкий и другие), то их оценки должны быть сейчас скорректированы на происшедшее после этого время, т. е. более ста пятидесяти лет. Всего же средний возраст книг XVIII века составляет 250 лет. Столь почтенный возраст определяет и степень их редкости. За такой период времени трудно просто обеспечить сохранность материалов, из которых сделаны книги, а если вспом-

нить, какое число разрушительных, а местами просто губительных для книг событий произошло за истекшие годы — сколько войн, революций, эмиграций, разграблений крупных и мелких очагов культуры и т. п., — то должны прийти к выводу, что следует даже удивляться, каким образом в настоящее время ещё сохранилось какое-то число книг XVIII века в хорошем состоянии. Объяснить это можно и тем обстоятельством, что эти книги были предметом собирательства и коллекционирования не только музеями, книгохранилищами, а ещё значительным числом книголюбов, которые и обеспечили определённую степень их сохранности.

Тем не менее, сейчас любую книгу XVIII века можно считать редкой, а многие из них являются ценнейшими раритетами истории культуры страны, подчас не меньшими, чем, например, картины итальянских и голландских художников раннего Возрождения. Редкость и ценность книг XVIII века, видимо, предопределили то обстоятельство, что они в течение всего времени моего собирательства не занимали приоритетного положения. Правда, некоторых из них я пытался разыскать. Это были первые издания книг Ломоносова, новиковского словаря о российских писателях, «Ябеды» Капниста, журналы, в которых печатался Крылов, «Русские сказки» Левшина и, конечно, «Слово о полку Игореве», если 1800 год отнести к XVIII веку (и по законам математики так и следует). Почему именно эти книги мне хотелось иметь, я ответить однозначно не берусь. Видимо, сказалось чтение библиографических тру-

дов, уровень общеобразовательных знаний и что-нибудь еще? Большинство из интересовавших меня книг мне удалось найти (за 40 лет!), а некоторые даже не пришлось увидеть. О нескольких книгах, которые мне удалось разыскать, считаю уместным поделиться полученными знаниями.

Признанной редкостью является «Драматический словарь» или «Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имён известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах и где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления», М., 1787 г. В словаре перечисляется около 340 пьес, российских и переводных, шедших с разным успехом на русской сцене XVIII века. Весьма интересны также сведения об отдельных представлениях, о том, как эти представления были приняты зрителями и т. п. Этот первый систематизированный источник знаний о русском театре, и этим многое сказано. «Драматический словарь» занесён в книгу Г. Геннади «Русские книжные редкости», № 61. Отмечен и у И. М. Остроглазова, № 54.

Первым и важнейшим источником сведений по российской библиографии является книга с названием «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщённых известий и словесных преданий собрал Николай Новиков», СПб., 1772 г. Это наш первый, отдельно изданный словарь русских писателей и учёных, и хотя сегодня прошло уже 230 лет, к этой книге

обращаешься с живым интересом. «Словарь...» давно стал библиографической редкостью. Его переиздавали в середине XIX века и в середине XX века. Каждый собиратель антикварных книг может гордиться наличием этой книги в своём собрании.

Чем старше возраст издания, тем трудней разыскивать и увидеть издания, вышедшие в нескольких томах. Время беспощадно к процессу хранения книг, а к многотомным комплектам тем более. Ведь достаточно утратить один из томов и восстановить комплектность издания практически невозможно.

Поэтому, когда мне совершенно случайно из двух источников, в течение короткого промежутка времени попали томики «Театра судоведения или Чтения для судей и всех любителей юриспруденции, содержащие достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические изследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода произшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное время препровождение. Собрал и издал Василий Новиков», ч. 1–6, СПб., 1790–1792 гг., то я посчитал это своеобразной удачей. Переписав столь подробное название книги, можно ничего больше о ней не говорить. Кроме того, что публикацией сложных судебных процессов автор хотел «поспешествовать скорейшему судопроизводству, облегчению судов и прекращению крюкотворства, помочь судьям в трудных, запутанных вопросах».

Примеры, опубликованные в «Театре судоведения», взяты из переводных источников, французских и английских. Издание «Театра судоведения»

расширило кругозор судейских работников и, очевидно, способствовало уменьшению случаев осуждения невинных людей. Я храню у себя эти 6 томов, посланные мне судьбой. У В. Г. Лидина в его книге «Друзья мои — книги» есть рассказ о том, как он покупал в двадцатые годы на улице у священнослужителя 3 тома «Сто русских литераторов» в роскошных переплётах из библиотеки известного собирателя фон Мекка, и спросил у продавца, откуда у него такие книги, то «попик ему наставительно ответил — Бог послал».

Был у меня ещё один занятный случай, связанный с проблемой комплектации многотомных изданий XVIII века. В самом начале своей собирательско-антикварной деятельности мне попались 2 маленьких томика под названием «Пантеон иностранной словесности», М., 1798 г.; мне они понравились, и я их купил. Придя домой, я тут же в книге Ю. Битовта «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века», а других библиографических справочников у меня тогда не было, прочитал, что это издание представляет большую редкость, и что издавал его Карамзин Н. М. Мою радость после получения этих сведений несколько охладило то, что это издание состояло из трёх томов, а у меня были только первый и второй. Ясно, что если бы продавались первый с третьим, или второй с третьим, то я бы, конечно, эти книжки не купил, видя их некомплектность. Так у меня и стояли на полке эти два первых томика, и я даже не ставил себе задачу подыскивать третий. Для читателей—москвичей, знающих топографию го-

рода, сообщая, что проживал я тогда в начале Мясницкой улицы. А на Кузнецком мосту, в верхней его части, т. е. совсем близко от Мясницкой, находится Книжная Лавка писателей. Выбор букинистических книг там был узкий, видимо, наиболее интересные книги продавались на втором этаже для писателей. Поэтому я туда ходил очень редко. И вот, находясь в районе Кузнецкого моста по служебным делам, я зашёл в Лавку. Глянув на прилавок, я тотчас увидел третий том «Пантеона иностранной словесности». Когда я взял книгу в руки, то увидел по датировке цены, что она уже полтора года лежит на прилавке и не продаётся. Дело в том, что оценили её высоко, не как часть комплекта, а как отдельную книгу. С такой ценой она никому не была нужна (кроме меня, конечно). Когда я её покупал, то продавец мне сказал: «... а ведь мы уже отчаялись её продать». Так оказалось, что буквально в двух шагах друг от друга в течение полутора лет лежали две составляющие трёхтомного комплекта издания «Пантеон иностранной словесности», 1798 г.

В XVIII веке число российских писателей было сравнительно невелико. Русская художественная литература была только на подступах к своему блестящему развитию в XIX веке, когда она вышла на передовые позиции в мире. Первыми опытами оригинальной русской литературы были стихотворные произведения. Можно сказать, что российские поэты XVIII в. были первопроходцами. Их число было невелико, но их вклад в историю русской литературы был неопределимым. К числу видных представителей

поэтов того времени относится Василий Васильевич Капнист.

Только три книги Капниста вышли при его жизни, и все они стали желанными в коллекциях русской антикварной книги. Самой известной является, безусловно, «Ябеда», комедия в 5 действиях; Спб., 1798 г. Истории, связанные с судьбами книги, комедии и самого автора уже неоднократно описаны. Повторю основные моменты. Впервые поставленная комедия имела огромный успех. Отдельные фразы и строки были широко подхвачены зрителями и вошли в поговорки: «Законы святы, да исполнители — лихие супостаты» и др. Получили большую популярность куплеты из комедии:

«Бери, большой тут нет науки:
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?»

Прошло уже более 200х лет после представления комедии, но она могла бы быть поставлена и в настоящее время, её актуальность не утратилась. Вот что значит классическое произведение.

Сюжетом для комедии послужил Капнисту его собственный процесс, проигранный им в Саратовской гражданской палате. Комедию удалось показать не более 4 представлений. Вызывая восторг у одних, она возбудила негодование у других. Эти другие были крупными чиновниками, которые быстро состряпали донос императору Павлу, на который была наложена резолюция: «Комедию запретить, печатные экземпляры изъять, автора сослать в Сибирь».

Однако вечером того же дня Павел решил проверить правильность своего решения. Он приказал сыграть ему одному (кроме него присутствовал его сын наследник Александр) в Эрмитажном театре. Эффект оказался поразительным. Павлу представление очень понравилось, и он приказал немедленно вернуть в Петербург автора комедии. Тем не менее, напечатанные экземпляры комедии, несмотря на посвящение её императору Павлу, были немедленно изъяты. Комедия была поставлена вновь в 1805 году. Н. П. Смирнов-Сокольский обращает внимание на то обстоятельство, что в его собрании «Ябеда» имеет 138 стр., включая письмо Капниста к А. М. Крутицкому с разрешением печатать комедию в его пользу и письмо Ю. А. Нелединского-Мелецкого о согласии Павла на посвящение комедии его имени. В моём собрании экземпляр «Ябеда» такой же комплектности и с фронтисписом. Редкость книги не подвергается сомнению. Мне удалось её купить в Ленинграде, у одного старого театрального работника, проживавшего в большой старинной квартире в типичном петербургском доме на Каменноостровском проспекте. Меня туда привела моя знакомая, которая работала врачом и лечила хозяйку. Она увидела там старинные книги и попросила разрешения привести меня с целью их покупки. Кроме экземпляра «Ябеда» там было ещё несколько старых книг, относящихся к театру.

В 1796 году вышел первый прижизненный сборник «Сочинения Василия Капниста». Гравированный заглавный лист и четыре виньетки в тексте. Кни-

га очень хорошо издана и заключается ироническим двустишием:

«Капниста я прочёл и сердцем сокрушился:
Зачем читать учился?»

«Лирические сочинения Василия Капниста», Спб., 1805 г.—последняя прижизненная книга Капниста, знаменита своими иллюстрациями. Гравированный фронтиспис и 5 виньеток в тексте. Любители русских иллюстрированных изданий относили этот томик в 257 страниц к лучшим иллюстрированным изданиям начала XIX века. Полагаю, что все 3 книги Капниста украсят любую коллекцию русской антикварной книги.

Продолжая описывать наиболее редкие книги из моего собрания, хочу рассказать, какую роль играли редкие книги в судьбе профессиональных букинистов. В первые годы моих поисков на книжных прилавках, когда я ещё не знал, что я собираю и покупал любую книгу, пришедшуюся мне либо по духу, либо по цене, я проживал в районе ул. Сретенки. В то время на этой улице располагалось 2 пункта покупки у населения старой книги. Магазин №7 и, почти напротив, скупочный пункт коллектора массовых библиотек. Магазин, естественно, скупал и продавал, а коллектор только скупал, и книги шли на комплектацию библиотек по их заявкам.

В коллекторе на приёме книг работал Николай Степанович Бухаркин, тогда, конечно, я не знал его биографии, и запомнил я первую встречу с ним благодаря такому случаю. Как-то я купил, не помню, кажется, на улице, один из 5ти томов Шекспира, изда-

ния Брокгауз и Ефрон. Я тогда, наверное, и не знал, что их должно быть пять. Держа в руках купленный том, я зашёл в приёмную коллектора посмотреть, что там творится, какие книги сдают и т.п. Народу не было, и Николай Степанович, убелённый сединой человек, видя у меня в руках том Шекспира, обратился ко мне с вопросом, не продаю ли я его. Я сказал: «Нет, я только что его купил». Тут он произнёс фразу, ради которой я рассказал про этот день в моей жизни. Он сказал: «Молодой человек, запомните, что я вам скажу. Я, работая много лет в букинистической торговле, давно пришёл к выводу—я никогда не жалел, что купил книгу и всегда жалел потом, когда продавал книги. Поэтому я рад за вас, что вы, молодой человек, купили хорошую книгу».

Я тогда не знал, что Николай Степанович в те годы был одним из старейших московских букинистов, а, значит, и опытнейших. Он ещё долго работал товароведом в различных московских магазинах, а после перехода на пенсию работал ещё продавцом киоска.

Мне запомнились и позднейшие наши встречи. Как-то я находился в магазине «Антиквар» (Николай Степанович в этом магазине работал киоскёром), когда он, уже совсем старенький, принёс продавать книгу. Я эту книгу, хотя до этого времени никогда не видел, сразу узнал. Это был иллюстрированный альбом к роману «Евгений Онегин» А. С. Пушкина с 48ю рисунками П. П. Соколова, издания Готье 1892 г. Экземпляр был в отличном состоянии, в кожаном переплёте с муаровой подбивкой и наклеенной на пе-

редней крышке переплёта печатной обложкой, изготовленной по рисункам П. П. Соколова. Отпечатано было 200 нумерованных экземпляров, первые 25 на японской бумаге, остальные на веленовой. Этот экземпляр имел номер 17. Товаровед магазина спросил цену, которую рассчитывает получить Николай Степанович, и после его ответа я внёс предложение, что немедленно заплачу эту цену, без учёта магазинной скидки. Книгу я приобрёл.

Прошёл ещё какой-то период времени, я постоянно заходил в этот магазин. Как-то раз мне говорят, что для меня оставил одну книгу Николай Степанович, что он назвал цену, но просил продать её только мне. Это была редчайшая книжка «Шемякин суд. С изображением действующих лиц и с приобщением нравоучительных басен». Иждив. А. Осипова, М., 1794 г., в современном переплёте. В книге 40 стр. текста и 19 листов иллюстраций. Все гравюры раскрашены от руки. Рассматривая время от времени эту книгу, радуюсь её присутствию на моей полке.

Прошло ещё какое-то время, и я опять встретился с Николаем Степановичем в магазине, он почти с радостью сказал, что принёс ещё одну книгу для меня. Хотя протянутую мне книгу я никогда в жизни не видал и ничего о ней не слышал, я уже понял, что книги, которые он сейчас продаёт — редчайшие, сохранённые им за время своего многолетнего труда в букинистической торговле. На этот раз это была тоненькая книжечка XVIII века без переплёта. На титульном листе рядом с портретом автора написа-

но: «И. Терново-Орловский, «Описание седми старинных свадеб», М., 1798 г. Конечно, книжку я купил. Особенно мне показался интересным портрет автора — весьма молодого человека, мальчика. Вот что про эту книгу написано в известном каталоге № 105 редких книг Н. В. Соловьёва «Про издания «седми летнего отрока Иоанна Терново-Орловского». Остроглазов говорит: «Описываемая книга настолько редка, что на неё нет указаний в известных каталогах Сопикова, Плавильщикова и Смирдина. В первый раз она указана Геннади — 88, и о гравёре Высокогорском, сделавшим портрет Терново-Орловского, даже не было известно Ровинскому. Единственный известный экземпляр этой книги, принадлежавший сперва Дурову, а потом Щапову, по словам того же библиографа, поступил в библиотеку Исторического музея». Оценена была книга в каталоге очень высоко. Купив три очень редких книги у пожилого букиниста, я понял, что букинисты относились к таким книгам, как самому надёжному способу сбережения средств к старости. Николай Степанович в последнюю нашу встречу сказал: «Я с симпатией смотрел на Ваши усилия в собирательстве книг, и рад, что несколько моих книг попали именно к Вам». Больше я Николая Степановича не видел.

Конечно, понятие «редкая книга» в устах того или иного библиографа или собирателя может носить несколько субъективный характер. Ведь наука о библиографии редких книг не может быть названа «точной», как, скажем, математика или физика. Вот яркий пример тому.

Н. П. Смирнов-Сокольский, которого можно считать наиболее авторитетным исследователем судеб книг XVIII и XIX веков в наше время, в своём капитальном труде «Моя библиотека» (М., 1969 г.) даёт оценки редкости книг, приведённых в нём. Сомневаться в правильности и искренности определений Н. П. Смирнова-Сокольского не приходится, ведь он собирал свои книги в течение 40 лет — двадцатые, тридцатые, сороковые и пятидесятые годы XX века. Надеюсь, условия жизни народа, которые способствовали созданию столь благоприятной ситуации в эти годы для собирателей книг, повторяться в нашей стране не будут. Так или иначе, книг Н. П. Смирнов-Сокольский повидал в своей жизни много. И вот он, описывая издание «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения» (Университ. тип. у Н. Новикова, 1780—1783 гг.), говорит: «Это первое издание важнейшего литературного произведения В. А. Левшина, вышедшего в течение 1780-1783 гг. Всего частей в этом издании было десять. В моём собрании нет первых двух и последних двух частей. Первое издание встречается вообще крайне редко. Мне так и не удалось его собрать полностью, несмотря на многолетние поиски». Далее высказываются предположения о причинах столь большой редкости «Русских сказок».

Поэтому, когда мне встретился полный комплект «Русских сказок», я, памятуя мнение Н. П. Смирнова-Сокольского, немедленно его приобрёл, и некото-

рое время чувствовал себя редкостным счастливецом. Но через некоторое время мне ещё один раз представилась возможность купить полный комплект «Русских сказок».

Я собираю антикварные книги тоже 40 лет, но другие (шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые) годы. Вот и получается: Н. П. Смирнов-Сокольский за 40 лет не смог собрать комплект «Русских сказок», а мне за такой же временной промежуток полный комплект этого издания встретился дважды. Тоже нельзя сказать, что часто. Вот вам и романтика собирательства.

Если же попытаться продолжить внедрение математики в библиографию редких книг, то можно подсчитать степень редкости «Русских сказок». 40 лет поисков Н. П. Смирнова-Сокольского с нулевым результатом + 40 лет моего собирательства с 2мя случаями продажи полных комплектов дают в сумме 2 экземпляра за 80 лет. Вот как неожиданно может оцениваться показатель редкости книг.

Весьма плодовитым писателем XVIII века был Матвей Комаров, «житель города Москвы», как он сам себя называл. Из многих его сочинений в моей коллекции книг XVIII века хранятся только две.

«Описание тринадцати старинных свадеб великих росейских князей и государей, какие во время оных по тогдашнему обыкновению происходят обряды. В том же числе находится свадьба Казанского пленного царя Симеона и самозванца Гришки Ростриги».

Вторая книга Матвея Комарова, имеющаяся у меня, называется «Повесть о приключении аглинско-

го милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе». Изданная М. К. М.

Здесь мне хотелось бы вновь вернуться к труду Н. П. Смирнова-Сокольского «Моя библиотека». В нём, описывая свой экземпляр этой книги, говорит: «... Все мои стремления раздобыть первое издание «Повести...» или какое-либо издание XVIII века остались тщетными. Приобретение издания даже 1834 г. оказались делом совсем не лёгким. Так мало экземпляров их сохранилось».

Опять ситуация, когда Н. П. Смирнов-Сокольский за годы своего собирательства не нашёл книг, изданных в восемнадцатом веке, а ко мне такая удача пришла.

Видимо, тут дело в непредсказуемости поисков книг, изданных в XVIII веке, особенно книг известных авторов и в хорошей сохранности. Я бы приравнял эти бесценные первые памятники русской культуры по значимости к картинам художников эпохи раннего Возрождения.

Мой экземпляр «Повести и Милорде» 1789 г., изд. Зе в хорошей сохранности, и каждый раз, когда я смотрю на него, ко мне приходят на память строки Н. А. Некрасова:

«Эх, придёт ли времечко,
(Когда, прийди, желанное),
Когда мужик не Блюхера,
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесёт».

Эти строки, знакомые со школьной скамьи, обрели в моём сознании конкретность только после озна-

комления с этой книгой. Теперь я знаю, кто этот глупый Милорд!

Разносторонняя литературная деятельность Михаила Дмитриевича Чулкова занимает заметное место в книгах, изданных в России в XVIII веке. Он проявил себя как этнограф, историк, экономист, журналист и фольклорист. Чулков был одним из первых русских писателей XVIII века, который смело вводил в литературный язык своих произведений простонародную разговорную речь. Достаточно полный перечень литературных трудов Чулкова приведён в книге Н. П. Смирнова-Сокольского «Моя библиотека», 1969.

В моём собрании имеется только две книги М. Д. Чулкова.

«Словарь учреждённых в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле».

«Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч., сочинённая М. Чулковым», 1786, М.

А. Н. Пыпин («История русской этнографии», т. 1, СПб., 1890) оценивает эту книгу как первую чисто этнографическую попытку своего времени. В книге излагается русская мифология, а также мифология многих народов России в представлениях своего времени.

Мой экземпляр в современном цельнокожаном переплёте хорошей сохранности.

Николай Иванович Страхов в истории русской литературы XVIII века более всего известен как ре-

дактор-издатель «Сатирического вестника», вышедшего в течение трёх лет — 1790-1792 гг. Журнал имел успех и в 1795 году был переиздан. В период издания журнала «Сатирический вестник» Н. И. Страхов сумел выпустить 2 книжки, имеющиеся в моём собрании.

«Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щёголей, вертопрахов, волокит, игроков и проч. или Иносказательные для них наставления и советы, писанные сочинителем «Сатирического вестника».

Экземпляр в цельнокожаном переплёте хорошей сохранности.

«Переписка моды, содержащая письма безруких мод, мышления неодушевлённых нарядов, разговоры бессловесных чепцов, чувствования мебели, карет, записных книжек, пуговиц и старозаветных манек, кунташей, шлафоров, телогрей и пр. Нравственное и критическое сочинение, в коем с истинной стороны открыты нравы, образ жизни и разные смешные и важные сцены модного века», М., 1791.

В кожаном переплёте.

В «Предобъяснении» к книге говорится: «Сочинения мои «Сатирический вестник» и «Карманная книжка» имели счастья понравиться публике, почему сим будучи ободрен, предпринял я сочинить и «Переписку моды». Благодаря этому удалось установить авторство Страхова Н. И.

Третья книжка этого автора, которая хранится у меня — «Мои петербургские сумерки». Сочинения

Николая Страхова, издателя «Сатирического вестника», «Переписки моды», «Карманной книжки» и пр., ч. 1-2, 1810, в одном кожаном переплёте. По содержанию и форме это небольшие заметки, размышления, жалобы на судьбу.

Книга напечатана синей краской. По мнению Н. П. Смирнова-Сокольского экземпляры её встречаются чрезвычайно редко. Мой из библиотеки В. Д. Богдановой.

Первым драматургом русской литературы может быть назван Александр Петрович Сумароков. «Северным Расиным» называли его современники. Наряду с драматургией, А. П. Сумароков пробовал свои силы в других поэтических жанрах. Высоко ценились притчи Сумарокова, которых он написал около 400. Н. И. Новиков писал о нём в своём «Опыте исторического словаря»: «Его эклоги равняются знающими людьми с Вергилиевыми и поднесё ещё остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищем Российского Парнаса...». Н. И. Новиков дважды выпустил посмертно 10-томное собрание сочинений в 1781-82 и 1787 гг.

«Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского учёного собрания члена, Александра Петровича Сумарокова». Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учёности Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете, изд. 2-е, ч. 1-10, М., 1787.

В первой части гравированный портрет А. П. Сумарокова с подписью: «Рис. Н. Перельвин. Гр. Н.

Саблин». Под портретом четверостишие М. М. Хераскова, подписанное инициалами «М. Х».

«Притчи Александра Сумарокова», кн. 1-3, СПб., 1762-1769.

Все части в одном переплёте. Первое — прижизненное издание «Притч». Экземпляр средней сохранности. Приобретён в Ленинграде.

Бесспорно, первой величиной в развитии русской культуры в XVIII веке был Михаил Васильевич Ломоносов. Нельзя не привести слова Н. И. Новикова, сказанные им 250 лет тому назад, после смерти Ломоносова: «Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения. Сколь отменна была его охота к наукам и ко всему человечеству полезным знаниям, столь мужественно и вступил он в путь к достижению желаемого им предмета... Бодрость и твёрдость его духа оказывались во всех его предприятиях...». Без книг Ломоносова невозможно представить себе книгоиздательскую деятельность в России в XVIII веке.

«Тамира и Селим», трагедия Михайла Ломоносова, СПб., 1750.

В моём экземпляре отсутствует фронтиспис.

«Российская грамматика» Михайла Ломоносова, СПб., 1755, с фронтисписом.

Первая печатная грамматика русского языка, написанная по-русски.

Именно в ней впервые напечатаны слова Ломоносова: «... Карл Пятый, Римский император говаривал, что испанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелем, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он

российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашёл бы в нём великолепие испанского языка, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Книга в кожаном переплёте хорошей сохранности. Отпечаток фронтисписа сделан, видимо, в начале использования доски. На обороте передней крышки переплёта запись: «...Читать зачёта 1761 году Ноября 1 дня. Окончена 1762 году Ноября 10 дня». Целый год изучал грамматику этот, возможно, первый её читатель.

«Собрание разных сочинений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова», 2-е изд. с прибавлениями, Кн. 1—2, М., 1757—1759.

У меня имеется только первый том, изданный в 1757 году. Он в хорошей сохранности. Особенно радует состояние портрета, гравированного Х. А. Вортманом. Ведь это первый портрет Ломоносова, впоследствии много раз повторенный. На переднем форзаце надпись: «Григ. Асл. Чхеидзе. Одна из моих прифронтовых находок». Подпись неразборчива. Почерк современный, а на обратной стороне портрета запись по-французски, в моём переводе: «Эта книга куплена Эфеном Зеленцовым в Петербурге 25 августа 1784 года».

Описываю так подробно, памятуя четверостишие Н. А. Некрасова, уже приведённое нами. Установить, кто такие Чхеидзе и Зеленцов не удалось.

«Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общия правила обоего красноречия, т. е. оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки трудами Михайла Ломоносова», СПб., 1748.

В цельнокожаном современном переплётё. Хоть на титульном листе указан год издания 1748, в действительности это второе издание, выпущено в свет в 1765 году. Так указано в сводном каталоге русской книги XVIII века.

Как-то я прочитал у Н. П. Смирнова-Сокольского в труде «Моя библиотека» в разделе о книгах XVIII века, а, главное, увидел титульный лист книги француза Дрё дю Радье «Любовный лексикон». Мне так понравилось сочинение француза, тематика и год издания (1768), что мне очень захотелось её иметь. Нашёл её после многолетних поисков, но зато в хорошем виде. Автором оказался француз Дрё дю Радье. На русский язык книгу перевёл А. В. Храповицкий, будущий статс-секретарь Екатерины II и автор «Памятника записок», одного из фундаментальных источников наших сведений об общественной жизни второй половины XVIII века. Я не жалею, что купил эту книгу, она наполнена «блётками» старинного галантного остроумия. Считаю её редкостью и своеобразным украшением моих книг XVIII века.

Есть книги, о которых книголюбу заранее известно, что они являются редкостью. Это, прежде всего, книги Радищева А. Н., изданные до 1905 года. Начиная с первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» 1790 г., СПб., до издания этой книги А. П.

Картавовым, 1903 г., СПб., все издания книг А. Н. Радищева являются библиографическими редкостями, очень высоко ценимыми. Поэтому эти книги не были предметом моего собирательства.

А вот «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославовича», писанная старинным переложением на употребляемое ныне наречие, меня весьма интересовала.

Именно так называлось первое издание «Слово о полку Игореве», подготовленное к печати по рукописи XVI века. В 1812 году, во время пожара Москвы рукопись «Слова» сгорела, и первое издание этого памятника приобрело значение первоисточника, значительная часть тиража которого также сгорела в 1812 году. Специально проведённое исследование подсчитало оставшееся наличие этой книги в государственных и частных собраниях в количестве не более 60 экземпляров.

Эту книгу я искал десятки лет и когда нашёл, это был для меня праздник собирательской удачи.

К сожалению, со значительным числом книг XVIII века мне пришлось расстаться, но только с книгами, а не знаниями, которые они мне дали. Знания остались, ими я и постарался поделиться в этом рассказе.

О некоторых книгах XIX века

XIX век является веком бурного расцвета русской литературы. Начиная с Пушкина, который родился